

СССР: создание и крушение империи в контексте «общества риска»¹

Мордовцев Андрей Юрьевич,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского
государственного университета экономики и сервиса,
профессор кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала
Всероссийского государственного университета юстиции
E-mail: aum.o7@mail.ru

Мамычев Алексей Юрьевич,

доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент,
заведующий лабораторией политико-правовых исследований
факультета политологии,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: mamychev@yandex.ru

Мордовцева Татьяна Васильевна,

доктор культурологии, профессор,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин
Таганрогского института управления и экономики
E-mail: aum.o7@mail.ru

***Аннотация.** В статье выявлены и проанализированы факторы риска, связанные с формированием и распадом СССР как оригинальной формы имперского политико-правового пространства, способа национальной и наднациональной социально-политической и правовой идентичности. Авторы рассматривают многомерные процессы интеграции и дезинтеграции политических субъектов в отечественной государственности в контексте парадигмы «общества риска», признавая отправные ее методологические основы. И возникновение, и распад СССР — это объективированный ответ на вызванный эскалацией рискогенности кризис российской политической и правовой системы, вариант выхода из него. При рассмотрении такого рода проблем нельзя элиминировать ментально-культурные (архетипические) константы, исторический опыт государственно-правового строительства, место и роль «личности в истории», тем более в противоречивой отечественной истории. В этом плане в статье анализируются и позиции руководства РСФСР и УССР в вопросе проведения национальной правовой политики, повлиявшей на распад СССР.*

Ключевые слова: СССР, Российская империя, риск, кризис, политико-правовое пространство, политико-правовая ментальность, государство, республика, монархия, союзные республики, властные элиты, политическая интеграция, политический сепаратизм, империя.

Введение

И в отечественной, и в зарубежной гуманитарной практике довольно рано стало понятно, что для того чтобы решить какую-либо проблему, ее прежде всего необходимо четко и ясно осознать, убедиться в ее наличии, возможно, оценить опасность и т.п. Любое замалчивание того или иного важного

для социального либо иного организма вопроса, по сути своей, может обернуться его полным разрушением, исчезновением из бытийственного поля, что подобно не выявленному вовремя диагнозу в медицинской практике. В отношении же судьбы различных государств исторический опыт показывает, что стимулируемый властными элитами процесс «залатывания дыр» в экономике, политике, социальной и духовной сферах без серьезного изменения самой стратегии национального развития — это только оттягивание момента крушения конкретной государственности, который причем весьма часто подается как результат чьего-то «злонамеренного» воздействия (вождя, партии, масонов и др.), так как

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке».

мало кто желает признавать наличие объективных оснований такого рода краха.

Именно такой подход к событиям в России 1917 г. стали демонстрировать многие (в том числе и зарубежные) историки в 90-х гг. XX в., уверяя, что стабильное, в целом устойчивое развитие империи было целенаправленно «подорвано» сначала масонским, «антирусским» Временным правительством, а затем вернувшимся в апреле 1917 г. в страну В.И. Лениным как «немецким шпионом» и лидером наиболее радикально настроенной политической партии. «Государство, по Ленину, — публичная власть, оторванная от общества и все более ставящая себя над ним, а его опорой являются армия, чиновничество, полиция, имеющая в своем распоряжении и такие вещественные придатки, как тюрьмы...» [1]. В отношении же «демократической республики» Ленин в полной мере справедливо утверждал, что именно эта форма является «наилучшей возможной политической оболочкой капитализма». Именно демократическая республика, обладающая своими ключевыми характеристиками, отлично «обосновывает» власть капиталистов, говоря иными словами, демократическая республика — это надежный источник легитимации буржуазной государственной машины, хотя, по мнению В.И. Ленина, при демократической республике «неравные» и «несправедливые» отношения в обществе сохраняются.

И тем не менее ясно, что, оставаясь на «поверхности» национальной истории, вряд ли можно рассмотреть подлинные причины такого рода масштабных событий, как, например, исчезновение Российской империи, когда она — геополитическая реальность — исчезла буквально за три дня (некоторые русские мыслители начала XX в. писали в эти годы, что «русский мужик сдул империю как пушинку с рукава»).

Правда, здесь стоит заострить внимание и на еще одной, разрушительной по своей сути, социально-политической и правовой крайности — проведение бесконечных, масштабных, радикальных и антинациональных по своему содержанию, часто противоречивых реформ. Это иная сторона «медали». Русская монархия пала от бездействия (и этим воспользовались ее противники), а советская империя от непродуманного раскачивания «маятника» своей государственности (что также было использовано разрушительными и якобы «либеральными» силами) [2]. Исторический «вызов» не был услышан ни одним, ни другим типом государства, «ответы» были разными: монархический «пассив», отказ от принципа «спасение русской монархии состоит в ее ограничении», его принципиальное неприятие в качестве объективного фактора исторического развития государства;

советский «актив», заключавшийся в реформаторском сумбуре второй половины 80-х гг. XX в. и не имевший явных ориентиров, ясных принципов, а поэтому и перспектив социалистической «перестроечной модели», что привело к эскалации центробежных политических процессов, возникновению национальных (а в ряде республик СССР и националистических) элит, «параду суверенитетов», преобладанию силы над правом и законом (в России это продолжилось и после 1991 г., например в известных событиях осени 1993 г., связанных с указом Президента № 1400), политической квазицелесообразности над формальной законностью, что уже суть признаки революционной ситуации (когда, как известно, «верхи не могут управлять по-старому, а низы не хотят жить по-старому»).

Тектонические сдвиги в государственно-правовой эволюции

В целом, в настоящее время все еще идет дискуссия (со временем она будет только все более и более актуализироваться) относительно природы того «тектонического» сдвига, который, очевидно, произошел в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. на обширной территории СССР в условиях многоэтнического и полирелигиозного общества. Кроме этого, важнейшим фактором разрушения союзного государства стало долговременное отсутствие в национальном политико-правовом поле какой-либо политической конкуренции: еще в самом начале 20-х гг. прошлого столетия лидер РСДРП(б) В.И. Ленин, видимо, ощущая ослабление собственной позиции (на фоне ухудшающегося здоровья), провёл положение о запрете в его партии любой фракционной деятельности, что в дальнейшем и стало своего рода «мостом» к весьма воинствующему политико-идеологическому и, соответственно, *юридическому монизму*. Хотя последнее российскому обществу было в полной мере знакомо по предшествующим историческим эпохам (от Ивана III до Николая II).

Политическое единообразие, правда, много столетий служило неким цементирующим фактором, наличие которого, как это показал исторический опыт, позволяло не только сохранять, но и постоянно расширять территорию отечественного государства (важнейший имперский признак), поддерживать относительную стабильность социально-экономического и политико-правового развития и даже добиваться весьма внушительных результатов (чего стоит, например, так называемый период контрреформ Александра III, когда бюджет России впервые за всю ее историю достиг профицита, а несколько позже С.Ю. Витте провел свою знаменитую финансовую реформу, что и способствовало

возникновению феномена 1913 г.), однако этот же политический монизм, разумеется, привел к тому, что даже к середине XX в. в государстве не было опыта подлинной *конституционно-правовой жизни* (разумеется, в современном ее понимании²), причем при наличии многих, сменяющих друг друга вариантов Конституции СССР (наиболее интересными в плане оценки оригинальности принимаемых Основных Законов государства являются, конечно, Конституция СССР 1936 г. и 1977 г.).

Положения советских Конституций не получали должной реализации, включая и их применение, они не были и не могли быть прямого действия, служили в большей мере идеологическим целям, чем были подлинными участниками национальной правовой жизни. Общество имело Конституцию, воспитывалось в духе уважения текста Основного Закона, но не умело жить по нему, в противном случае СССР как первое в мире государство социалистического типа (со всеми его достоинствами и недостатками) просто не смогло бы состояться, тем более что идея перманентной «мировой революции» окончательно провалилась в первые годы советской власти (неудачный поход Тухачевского в Польшу, разгром революций в Германии и Венгрии и т.п.) и возникла неизбежная ситуация существования и выживания во враждебном «буржуазном» мире. В связи с этим формирование в СССР жесткого по своим средствам, монолитного по характеру и мобилизационного по своим возможностям политического режима, конечно, стало неизбежностью. Поэтому, хотя в 1922 г. проект В.И. Ленина по федерализации государственной территории бывшей Российской империи и победил над предлагаемым И.В. Сталиным проектом «автономизации», то есть включения возникших при крушении империи национальных республик в РСФСР на правах автономий, уже к началу 30-х гг. вряд ли можно говорить о сохранении реального федерализма государственной (советской) власти в СССР.

«И еще один важный аспект плана Сталина — фактор времени. Сталин обосновывал немедленные действия по обновлению России, т.к. был убежден, что в тогдашней внешнеполитической ситуации “промедление смерти подобно”, что осуществление его политики жизненно важно, важно для безопасности и существования

² Так как «Московская монархия имела, разумеется, свою неписаную конституцию, однако эта конституция свое торжественное выражение имела не в хартиях и договорах, не в законах, изданных учредительным собранием... а в том чисто нравственном убеждении, что порядок, устанавливающий характер внешней мощи государства и его распорядителей... установлен свыше, освящен верою отцов и традициями старины» [3].

самого Отечества» [1]. В этом плане только такое квазифедеративное государство, как СССР, и могло обеспечить в 20–30 гг. сохранение национальной государственности вообще, а значит и обеспечить политические и правовые формы институционализации традиционно населяющих это огромное, евразийское пространство народов: русских и иных этносов.

В силу зародившегося быстрыми темпами тоталитарного политико-правового режима (после высылки Л.Д. Троцкого это стало уже очевидно) власть резко «качнулась» в сторону своей политико-территориальной унитаризации, возможно, с сохранением некоторых элементов автономизации различных национальных окраин.

Вообще, разные советские вожди (и, в первую очередь, И.В. Сталин), по большому счету, только следовали за этой «исторической объективностью», конечно, в какой-то степени оказывая на нее свое субъективное влияние: «выпрыгнуть» из этой «заданности» они просто не могли и шли в определенной еще в годы Гражданской войны политико-правовой и социально-экономической, идеологической (заменившей духовную) «колее». Хотя, на архетипическом уровне, формирование СССР в том ракурсе, который и случился в итоге, следует отнести к более древним и, соответственно, иным процессам, феноменам, константам истории отечественного государства и права.

Так, даже в первом приближении становится очевидным, что привычная для России монархическая форма властных отношений в течение столетий выработала большинство «послушников» существующему режиму. В этом плане неслучайно, что никаких широких дискуссий (подобно, например, известным западным полемикам по разным аспектам духовной, политической и правовой жизни) вплоть до церковного раскола середины XVII в. в государстве и обществе нет. Примеров здесь, конечно, много, но к наиболее ярким из них следует отнести период правления Ивана IV (Грозного), Петра I. Результаты, правда, бывали часто непредсказуемыми, причем не только и не столько для населения, но и для самих властных элит.

В частности, целенаправленная политика истребления удельных князей (младших родственников российских государей) от Ивана III до Ивана IV в итоге привела к тому, что многочисленная династия Рюриковичей просто исчезла и власть осталась «брошенной». Более того, после Грозного царя количество «лучших» людей (бояр, дворян) сократилось настолько, что служить государству было просто некому. Ясно, что даже при этих факторах риска возникновение и последующая эскалация разрушительных и в институциональном, и в территориальном

плане процессов — Смутное время — в полной мере объяснимо. Они просто приобрели объективный характер. И это на фоне того, что, как писал Авраамий Палицын, «главная причина Смуты — безумное молчание народа».

Однако, возможно и парадоксально, но явная делегитимация государственной (монархической) власти на рубеже XVI–XVII вв., хорошо известная историкам и правоведам, при сохранении важнейших, базовых духовных «скреп», выраженных, например, в соборно-христианском характере большинства русского народа того времени, все же не привела к распаду Московского царства, но стимулировала ранее невиданные явления и процессы: «...совершился отчетливо выраженный перелом в менталитете русского человека: последний начал себя ощущать не только подданным своего царя, но и человеком, ответственным за судьбы своего Отечества». «Малые», «простые» люди, жители Нижнего Новгорода, Костромы, Ярославля, донских казачьих станиц и др. в эпохи потрясений и преобразований становятся «заботниками» о судьбах государства [4]. И так, возникает феномен «патриотизма» («молчание» народа в условиях кризиса куда-то уходит), на фоне которого меняется идея государственной службы («служения») — «не Государю, но Отечеству», на века укореняющаяся в российской политико-правовой культуре. Отражение этого хорошо просматривается и в Полтавской битве, и в Отечественной войне 1812 г., и в первые годы Первой мировой войны, и в Великой Отечественной войне.

Другая ситуация возникает после 1953 г., тоталитарно-мобилизационная советская модель начинает «шататься». На фоне пусть даже фрагментарного отказа от прежней, сталинской стратегии обеспечения стабильности существования СССР резко падает эффективность управления рисками: в экономической, политической, идеологической и иных сферах жизнедеятельности советского общества. Конфликт между последним и государственно-партийной властью начинает нарастать. Парадоксально, но полный «выход» из привычной большинству населения, советской политико-территориальной модели стал бы разрушительным, однако и следование по этому пути начиная с 60-х гг. XX в. вело к известной цепочке «узловых точек» или циклов развития: устойчивое и стабильное развитие государственности начинает меняться ее кризисным состоянием (первая половина 80-х гг.), затем — состоянием катастрофы (вторая половина 80-х гг.) и, позже, происходит распад, то есть «гибель системы с уничтожением всех или большей части ее компонентов» [5].

Своего рода катализатором разрушительных процессов в СССР стало очевидное, примерно

с конца 70-х гг. XX в. усиление политических позиций властных элит союзных республик, считающих себя, в разных отношениях, готовыми к руководству суверенными государствами.

Методологические основы

В качестве основных методологических позиций исследования процессов распада СССР весьма продуктивно в эвристическом плане обращение к современной теории рисков, формирующейся на «пути к другому модерну», а именно в контексте перехода от традиционной модернизации к модернизации индустриального, а затем и постиндустриального общества. В этом плане работа У. Бека «Общество риска. На пути к другому модерну» является одним из значимых философско-методологических ориентиров понимания специфики крушения СССР в начале 90-х гг.

Авторы в полной мере учитывают, что «в процессе модернизации все больше и больше высвобождаются такие деструктивные силы, которые просто недоступны человеческому воображению» [6]. Ясно, что любые попытки прогнозирования в плане времени возникновения такого рода политико-правовых и социально-экономических деструкций не могут обеспечить их ясную картину, в лучшем случае они способны минимизировать риски, то есть сделать их не источниками разрушения, а стимулами для обнаружения новых способов и форм созидания, для перестройки социальных организмов разных уровней сложности. Однако здесь верно и другое — любые попытки сознательного «не замечания» рискогенных факторов, трендов и т.п. приводят к крушению, в частности, государства, империи либо менее масштабных институтов — политических партий, церкви и др.

В отечественной социально-политической истории можно увидеть не мало событий, связанных со стратегией пассивного восприятия рисков, приводящей в конечном счете к обычной русской позиции — «все как-нибудь расосется само». Даже имевшие место в разные эпохи реформаторские «потуги» нередко сворачивались, отдавая тем самым политико-правовую и социально-экономическую ситуацию в государстве на волю случая, хаотическим процессам, «саморегуляции» и т.п. В этом плане можно выделить и реформы Ивана IV, и петровскую тотальную по своему характеру вестернизацию, и Великие реформы Александра II, да и горбачевская «перестройка», начатая, но в конце концов (как и предыдущие реформаторские акты) брошенная, — яркий показатель рискогенной деятельности органов государственной власти в российской политико-правовой

и исторической традиции, в которой реформы и реформаторов никогда не приветствовали (ментальный консерватизм евразийского социума), но особо ненавидели государственных деятелей (исключение здесь Иван IV), бросивших свои начинания, разрушивших «старое», но так и не создавших «новое», ранее невиданное качественное образование в политико-правовой, социально-экономической, духовной сфере и др. Вот именно тогда и возникает ситуация резкого нарастания рисков.

«С распределением и нарастанием рисков возникают *социально опасные ситуации*. В определенном смысле они являются следствием неравенства классов и социальных слоев, однако заставляют считаться с существенно иной логикой распределения: риски модернизации рано или поздно затрагивают и тех, кто их производит или извлекает из них выгоду» [6]. В этом контексте следует иметь в виду принцип субъективной «дополнительности» (сопряженности): имеющие в целом объективную природу риски любого социального организма всегда, так или иначе, субъективно «нагружены». И властные элиты, стремящиеся извлечь разного рода выгоды из рискогенной ситуации, в конечном итоге оказываются «погребенными» в этом кризисном бытии. Другими словами, «колокол» в первую очередь падает на тех, кто его «раскачивает» (Александр II, М.С. Горбачев и др.).

Огромную роль при оценке результатов действия рисков, особенно разного рода стратегий по их преодолению, играет метод «взвешивания» ценностей. В частности, для Т. Парсонса «ценности... это составные части социальной системы... общепринятые представления о желательном типе социальной системы» [7]. Н. Смелзер видит в ценностях «...разделяемые в обществе (общности) убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться, и основных средств их достижения (терминальные и инструментальные ценности)» [7].

Рассматривая продукт факторов рисков, стоит обратить внимание на соотношение базовых ценностей: сторонников сохранения «все как есть» и, напротив, социальные силы, стремящиеся к принципиально иному выходу из сложившейся кризисной ситуации. Например, что более значимо (ценностно) в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в.: сохранение СССР как единого государства, в каком-либо модернизированном (возможном) варианте (при авторитарно-советском режиме, фактической однопартийности), либо более ценным становится крушение этой «империи зла» и, соответственно, всего того, что с ней связано (авторитарно-партийной системы, плановой экономики, зависимости от московской власти всех союзных республик и т.п.). Союзная власть в тот период не проявила

ясного и однозначного ценностного (а значит, и институционального) выбора, стремясь совместить в принципе несовместимые политические, правовые и экономические ценности: сохранение КПСС и власть Президента СССР, государственный суверенитет республик в составе СССР и единое советское политико-правовое пространство. Заметим, что именно действия союзной (центральной) власти стали основой для распада СССР. Либеральная «составляющая» отечественной политической элиты в самом начале 90-х гг. была еще ничтожна, она могла только воспользоваться трагическими «промахами» властных структур СССР, но еще никак не проявляла себя самостоятельно.

Кажется странным, но в конце 80-х гг. происходит серьезнейшая деформация советских и социалистических правовых и политических ценностей во властно-партийной элите, что, разумеется, порождает и их деструктивные действия. «Как только М.С. Горбачев встал на путь ломки государственных структур Союза ССР, осуществляя переход от Президиума Верховного Совета к институту Председателя Верховного Совета, а затем — к единоличному президентству, исполнительная власть не только не стала укрепляться, а наоборот, своим самым существованием стимулировала сепаратизм и мощные дезинтеграционные тенденции в стране» [8].

Вообще, в функциональном измерении риски в любой сфере жизнедеятельности социума («общества риска») включают в себя регулятивную, новаторскую, прогностическую, дестабилизирующую (вплоть до разрушительной), институционально-инструментальную и иные функции.

Формирование СССР. Преодоление рискогенности в национальном политико-правовом пространстве

Выше уже было отмечено, что процесс формирования СССР стал выходом из катастрофы Российской империи, быстро исчезнувшей в силу эскалации политико-правовой рискогенности (возникновения «общества риска») в начале XX в. Стоит здесь все же отметить, что с уходом Российской империи в феврале 1917 г. имперское сознание никуда не ушло. Свидетельством этому являются очевидные неудачи Временного правительства России, ряда демократических и либеральных партий по созданию российской республики. Ее цивилизационная несовместимость, по крайней мере, неприемлемость классических евроамериканских республиканских институтов и форм для отечественного пространства проявились весьма быстро, с февраля по июль 1917 г. Здесь можно согласиться с суждением А.И. Солженицына, считающего,

что «русский народ не может жить без империи, однако сил на нее уже не осталось». Оно верно и для 1917 г., и для 1991 г.

Невозможность формирования (и более того, быстрого формирования) российской демократической республики во многом стимулировала активность иных политических сил, выступающих хоть и с марксистских (то есть западных) позиций, но все же, как это в итоге оказалось, вполне в национальном ценностно-смысловом поле, а именно с позиции пусть нового, но все же строительства империи. Большевистский интернационализм (революционный глобализм) В.И. Ленина после его смерти всего лишь за 4–5 лет заменяется национал-большевизмом И.В. Сталина, что становится идеологической и политической основой не только реального формирования (после Союзного договора 1922 г. процессы создания нового типа государства только начинаются), но и укрепления СССР.

Стоит отметить, что начало формирования СССР суть решение восточнославянского вопроса после крушения российской монархии. Собственно, от его решения и зависели способы, темпы и содержание новой советской социалистической политической системы. Иные субъекты будущего СССР все же ориентировались на специфику славянского объединения. И здесь (как это повторится и в 1991 г.) просматривается значимость российско-украинских отношений.

В первые годы после окончания Гражданской войны политика руководства РСФСР и УССР в вопросе межнациональных отношений и правосубъектности Украины на международной арене была рискогенной уже в силу своей нелогичности и противоречивости. Следует отметить, что в случае с УССР эти два вопроса определяли ее суверенитет и служили свидетельством соблюдения провозглашенного большевиками на II Всероссийском съезде Советов в 1917 г. права народов Российской империи на *самоопределение вплоть до полного отделения*.

Так, согласно Рабоче-крестьянскому союзному договору между РСФСР и УССР от 31 декабря 1920 г., заключение которого, очевидно, не по простому стечению обстоятельств выпало на предновогодний день, были объединены ряд экономических и инфраструктурных народных комиссариатов республик, но оставлен для УССР Наркомат иностранных дел, что означало самостоятельность во внешней политике. Уже в 1922 г. Ленин в своей статье «К вопросу о национальностях, или Об “автономизации”» указывает на необходимость оставить самостоятельность всех наркоматов советских республик, кроме военных и иностранных дел, которые следует передать в компетенцию СССР.

Не менее противоречивой является позиция советского руководства РСФСР и УССР в вопросе проведения национальной правовой политики. Тем более что само возникновение наций для большевиков было обусловлено буржуазными отношениями, которые они стремились преодолеть. Социализм, по мнению Ленина, имел целью денационализацию общества на классовой основе и формирование, как известно, вместо единства по этническому и языковым признакам единства по признакам профессиональным.

Вообще, в современной научной литературе (Я. Брицкий, Я. Дашкевич, С. Кульчицкий, С. Юрийчук и др.) отмечали, что история образования СССР «густо насыщена идеологическими штампами». Несмотря на то, что в пропаганде последующих десятилетий сам факт образования Союза пытались изобразить как «всемирное объединительное движение», на самом деле в российском обществе он не вызвал какого-либо серьезного резонанса, социального отклика. Исследователи считают, что причина здесь в том, что события, связанные с заключением Союзного договора, развивались по тщательно спланированному в оргбюро ЦК РКП(б) сценарию. Последний в дальнейшем и лег в основу официальной истории создания СССР, которая и сегодня освещается чуть ли не в каждом учебнике, энциклопедии и т. д.

Однако можно привести и иное объяснение того отношения российского общества, которое возникло к процессам формирования СССР в период с 1922 по 1930 г. Здесь, в первую очередь, большую роль играет привычка российских граждан (ранее — подданных) жить в огромном, многонациональном и полирелигиозном имперском пространстве. Поэтому процессы формирования СССР в границах Российской империи были восприняты в качестве восстановления национальной государственности, причем на уровне народной толщи не были в первые годы осознаны принципиальные отличия новой формы правления, формы государственного режима и, разумеется — территориально-политического устройства (тем более что реальный федерализм в новом советском государстве так и не состоялся). В целом же, СССР оказался ментально «своим» государством (хотя религиозно настроенные представители населения все же усматривали серьезные отличия, но это касалось духовно-ритуальной сферы).

Распад СССР. Результат политико-правовой рискогенности конца XX в.

В качестве основных факторов риска, обусловивших распад СССР, прекращение существования этого государства как «геополитической реальности», которое Президент РФ В.В. Путин

в полной мере справедливо назвал «крупнейшей геополитической катастрофой XX в.», можно выделить следующие:

1. резкое падение цен на нефть в начале — середине 80-х гг. на мировом рынке привело к эскалации продовольственного кризиса, причем не только в провинциях государства, но и в столице;
2. отсутствие открытого политического диалога не позволило выработать ни взвешенную стратегию дальнейшего развития государства, ни обеспечить столь необходимый в то время политический консенсус;
3. опасное для нормального функционирования аппарата государственной власти и управления снижение уровня *легитимации* высшего и иного партийного руководства, особенно после 1982 г. (быстрая смена глав государств на фоне отсутствия ясного политического и экономического курса): харизматическая форма легитимности власти уже ушла, а рациональная и традиционная не имели места;
4. усиление вестернизации партийных элит (М.С. Горбачев, А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварнадзе, Б.Н. Ельцин и др.) привело к их целенаправленной деятельности по ослаблению партийного руководства и партийного аппарата в центре и на местах (из Конституции СССР исключена 6 статья). На этом фоне начинают возникать разного рода партии и политические движения либерального или религиозного толка (последние часто возникают в союзных республиках СССР, в частности в мусульманских окраинах, сливаясь там с новыми либо «перестроившимися» прежними властными элитами, стремящимися к самостоятельности именно через разжигание сепаратистских настроений);
5. парад «президентств» и суверенитетов в союзных республиках (в 1991 г.), прежде всего в России, в Украине, позже в Белоруссии, Казахстане, Грузии и др. поставил дальнейшее существование СССР под большой вопрос, так как несколько суверенитетов в одном политико-правовом пространстве просто не может существовать.

Можно и нужно посмотреть на распад СССР и в более глубоком, социально-философском и культурологическом разрезе. «Марксизм не мог слишком долго удерживаться (без государственного покровительства) в России потому, что не сумел... создать, таким образом,

соответствующую смыслу русской культуры духовную среду. Именно в этом коренятся главные истоки поражения СССР: не от Запада, а от российской ментальности — от кризиса ее смысла, символов, архетипов, системы ценностей... Россия убила СССР. И только Россия может его воссоздать на новых духовных основах» [8]. Диалектика национального развития в XX в.: именно на модернизированном варианте марксизма (ленинизм, сталинизм) возникло СССР — государство, которое спасло единство отечественного политико-правового и иного пространства, однако наступивший острый кризис марксистско-ленинской идеологии стал основой распада СССР и, следовательно, разрушения соответствующего этому государству общего, суверенного политического и юридического поля. «Союз ССР юридически прекратил свое существование 21 декабря 1991 г. в результате заключения всеми союзными республиками (кроме Грузии) Алма-Атинских соглашений, что означало и прекращение действия Договора 1922 г.» [9].

Список литературы

1. Азаркин Н.М. История юридической мысли России. Курс лекций. М.: Юридическая литература, 1999. 526 с.
2. Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю., Шестопап С.С. Российская государственность как особый цивилизационный и правоментальный тип // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. №. 4. С. 492–498.
3. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 635 с.
4. Пушкарев Л.Н. Менталитет русского общества на рубеже XVI-XVII веков (Эпоха Смуты) // Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 4. Ментальность в эпохи потрясений и преобразований / Под ред. А.А. Горского. М.: ИРИ РАН, 2003. С. 11–22.
5. Морозова Л.А. Проблемы современной российской государственности. М.: Юридическая литература, 1998. 253 с.
6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
7. Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. М.: Норма, 1998. 48 с.
8. Синюков В.Н. Российская правовая система. М.: Норма, 2010. 672 с.
9. Кремнев П.П. Распад СССР и правопреемство государств. М.: Юрлитинформ, 2012. 192 с.

USSR: Creation and Collapse of the Empire in the Context of «Risk Society»¹

Mordovtsev Andrey,

Dr. habil. of Law, Professor,

Professor of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Law at Vladivostok

State University of Economics and Service,

Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Rostov Branch of the

All-Russian State University of Justice

E-mail: aum.07@mail.ru

Mamychev Alexey,

Dr. habil. of Political Science, PhD of Law, Professor,

Head of the Laboratory of Political and Legal Research Faculty of Political Science,

Lomonosov Moscow State University

E-mail: mamychyev@yandex.ru

Mordovtseva Tatyana,

Dr. habil. of Cultural Studies, Professor,

Professor of the Department of Humanities

Taganrog Institute of Management and Economics

E-mail: aum.07@mail.ru

Abstract. *The article identifies and analyzes the risk factors associated with the formation and collapse of the USSR as a recreation of the Imperial political and legal space, a type of national and supranational socio-political and legal identity. The authors consider the various processes of integration and disintegration of state actors in the context of the “risk society” paradigm, recognizing its methodological foundations. Both the emergence and collapse of the USSR are responses to the escalating risks and crises of the Russian political and legal systems, and a way out. When considering such problems, it is impossible to eliminate mental and cultural archetypes, historic state and legal experience, and the place and role of personality in history, especially within the nation’s contradictory history. In this regard, the article analyzes the positions of leadership of the RSFSR and the Ukrainian SSR in the matter of national legal policy that influenced the collapse of the USSR.*

Keywords: *USSR, Russian Empire, risk, crisis, political and legal space, political and legal mentality, state, Republic, monarchy, Union republics, power elites, political integration, political separatism, Empire.*

References

1. Azarkin N.M. Istoriya yuridicheskoy mysli Rossii. Kurs lektsiy. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1999. 526 p. (In Russ.).
2. Mordovcev A.Yu, Mamychev A.Yu, Shestopal S.S. Russian statehood as a particular civilizational and legal mentality type. Baltic humanitarian journal. 2017;6(4):492-498. (In Russ.).
3. Alekseev N.N. Russkiy narod i gosudarstvo. Moscow: Agraf; 1998. 635 p. (In Russ.).
4. Pushkarev L.N. Mentalitet russkogo obshchestva na rubezhe XVI-XVII vekov (Epokha Smuty). In: Mirovospriyatiye i samosoznaniye russkogo obshchestva. Issue 4. Mental’nost’ v epokhi potryaseniy i preobrazovaniy. Ed. by A.A. Gorsky. Moscow: IRI RAN; 2003. P. 11-22. (In Russ.).
5. Morozova L.A. Problemy sovremennoy rossiyskoy gosudarstvennosti. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1998. 253 p. (In Russ.).
6. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. Moscow: Progress-Traditsiya; 2000. 384 p. (In Russ.).
7. Mamut L.S. Gosudarstvo v tsennostnom izmerenii. Moscow: Norma; 1998. 48 p. (In Russ.).
8. Sinyukov V.N. Rossiyskaya pravovaya sistema. Moscow: Norma; 2010. 672 p. (In Russ.).
9. Kremnev P.P. Raspad SSSR i pravopreyemstvo gosudarstv. Moscow: Yurlitinform; 2012. 192 p. (In Russ.).

¹ The work was carried out with the financial support of the Grant of the President of the Russian Federation NSH-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital Trends of Socio-Economic and Political-Legal Development of the Russian Federation in the XXI Century.”